

Всеволод Алферов

Мать демонов

Из всех зол нет страшнее любви и золота.

Из всех врагов нет опаснее женщины, что защищает сына.

Ани Святой, «Книга сил»

Старик умирал.

Болезнь обезобразила его лицо, искорежила тело, наполнила колючим сухим кашлем легкие. Хворь поселилась в нем стылým холодом — от которого не укроешься у жаровни, не спрячешься под ворохом одеял. Схватила, сжала, выкрутила, так что ни вдохнуть полной грудью, ни пошевелиться...

Лишь изредка старик размыкал истрескавшиеся пересохшие губы и проводил по ним кончиком языка. Если бы не это, он и вовсе не отличался бы от мертвого. Дженне казалось, муж попросту колеблется. Стоит на краю и не может решить: в тот мир ему ступить — или вернуться в этот?

— Рамі? — она тихонько окликнула сына. Юноша обернулся. — Иди. Займись делами. Незачем тебе смотреть.

На мгновение ей показалось, что сын начнет спорить... Юноша не стал. Не решился. Просто встал и молча вышел из комнаты.

Старик умирал...

Он умирал уже месяц, никак не решаясь переступить заветную грань. За окном был сезон дождей, один за другим маршировали ливни: утренний, вечерний, ночной — а муж все так же лежал среди саванной белизны покрывал и напоминал ссохшуюся от времени мумию.

Теперь, когда они остались наедине, Дженне хотелось сказать ему что-нибудь. Она давилась горькой колючей злобой — и не решалась заговорить. И потом, теперь он навряд ли стоил ненависти. Слишком жалок был Картхис для такого сильного чувства.

Он казался меньше, чем был на деле — и гораздо, гораздо старше. Тонкие, как птичьи лапки, пальцы вцепились в край одеяла: наверное, так же точно он цеплялся за жизнь, торгуясь со смертью за каждое проклятое мгновение.

Что-что, а торговаться муж умел всегда.

Тихонько выругавшись, Дженна встала и отошла к окну. Гомон базарной площади звучал глухо, теряясь под серой тяжестью низко нависшего неба. Тускло поблескивали в мутном свете дня лужи.

«Старый мешок с дерьмом! — выдохнула она всердцах. — Мог умереть и в более подходящее время!»

Муж нечленораздельно застонал. Дженна видела, как шевелятся его губы, как он натужно морщится, пытаясь протолкнуть через глотку слова — ее это трогало не больше, чем хлопоты грязных куриц там, внизу, за окном. Для нее Картхис был все равно что мертв.

«Все, что у меня осталось — это сын», — подумала она. Хрупкий темноволосый юноша с певучим именем Рамлаад. Муж хотел, чтобы тот стал таким же торгашом, как и он сам. У Дженны были другие замыслы.

«Я сделаю его благородным, во что бы то ни стало сделаю!» Первая помеха на пути умирала сама, оставляя состояние Дженне. Она должна пройти этот путь, она обязательно его пройдет. По-другому и быть не может, уверяла она себя.

Все это так. Но когда глаза мужа сомкнулись, Дженна обхватила себя руками, чтобы унять дрожь.

После тридцати Дженну часто сравнивали с Великой Матерью. Так говорил один из ее поклонников, он был наемным музыкантом и вел изящные беседы, в которых каждое слово будто вываляно в меду и корице. Дженна презирала таких пустобрехов — но сейчас, пожалуй, соглашалась с ним.

Пока служанка расчесывала рыжие локоны, женщина смотрела в серебряное зеркало, поворачивая голову то вправо, то влево. Клыки Мертвого бога! Ей нравилось, что она там видела.

— Когда закончишь, зажги лампы, — бросила Дженна. — От факелов чернеет потолок.

«В самом деле, а почему нет? — думала Дженна. — После тридцати понимаешь, что юность ушла. Все то девическое, невинное — все ушло навсегда. Появляется спокойная уверенность, плавность воды, мягкость лебяжьего пуха... Я заговорила точь-в-точь как Самір!» Дженна улыбнулась своим мыслям.

Сама она родила, когда ей было около пятнадцати. Родители выдали ее замуж за рослого мужика из города, что торговал не то пряностями, а не то благовониями.

Высокий и стройный, он двигался быстро, почти стремительно — как черный лев. Седина в волосах Картхиса серебрилась на солнце, а глаза у него блестели.

Она впервые увидела город, и тот был невероятным, немислимым, невероятным... Огромный и многолюдный, город звенел от шума, как храмовый гонг, заглатывал сотни путников, непрерывным потоком текущих через ворота — и выдыхал тысячи, миллионы запахов.

У Картхиса были длинные красивые пальцы, и он играл на арфе на пиршестве в честь свадьбы. По южному обычаю Дженна надела плотную чадру, и когда Картхис разломил кусок хлеба, она приподняла платок и, не открывая лица, осторожно положила ломоть в рот. Тот был кислым и чересчур соленым.

Потом Картхис приподнял вуаль и поцеловал ее, а зал огласился криками друзей и компаньонов. Никогда в жизни Дженну не приветствовало столько людей. Казалось, в честь Царя Царей они и то кричали бы вполголоса тише.

Настал вечер, и к сладким винам стал примешиваться горьковатый вкус страха. Она ждала этой ночи, предвкушала ее — но порой по спине девушки пробегала дрожь: словно из невидимой щели вдруг тянуло промозглым осенним холодом.

А потом пришла ночь — и Картхис вошел в нее: грубо, жадно и зло. Как голодный зверь. Словно отыгрываясь за ритуалы, которые он должен был совершить, чтобы заполучить ее. И когда она попыталась вскрикнуть, муж сжал ее горло, подержал несколько мгновений — и над Дженной сомкнулась темнота...

Теперь, когда жрец произнес над телом «Он был чист», когда плакальщицы завели унылый вой, а дверной молоток обмотали черной тканью — Картхис уносил в погребальный костер не только похоть. Невольно, нехотя — он был надежной защитой их сыну. «Теперь я должна все делать сама», — с тревогой думала женщина.

«Он не был чист! — ей хотелось вопить над укутанным в саваны телом. — Он был грязной похотливой свиньей. Ненавижу его! Даже сейчас ненавижу!». Но ее окружали богачи и вельможи, они таращились масляными глазами, ворочали мясистыми языками, произнося бессмысленные слова. Они были нужны Дженне. Нужны Рамі. Ради сына она вытерпит любую пытку.

— Хватит! — прервала Дженна служанку. — Зажги лампы и можешь идти.

Теперь оставалось ждать. Время оседало на подсвечниках слезами оплывшего воска. Дженна в последний раз обошла особняк, проверила, вся ли челядь ушла в служебное крыло. Стоя у задних дверей, она мяла кроваво-красные агаты четок. Теперь, когда Картхис корчится в огнях мира теней, ночной посетитель мог не прийти.

Услышав долгожданный стук, Дженна бросила вполосенный взгляд наверх. В пустом, словно вымершем доме тихое постукивание гремело, как посох жреца. Меньше всего ей хотелось объясняться с сыном.

— Моя Сахіра!

Ильхат Гарран никогда не отличался воображением. Он повторял те же сравнения каждый раз, оказываясь в ее постели — и теперь, заключив Дженну в грубоватые объятия, он твердил, как символ веры:

— Моя Сахира. Моя дикая львица!

— Я думала, вы не придете, — подарив ему поцелуй, Дженна подалась назад и коснулась его губ. — Тихо, наверху спит Рами... Картхис мертв. Те долги, что причитаются бедной вдове, вполне по силам вашим именьям.

Казалось, Ильхат возмущен упоминанием о деньгах.

— Я отдам все, до последнего медяка! — он позволил увлечь себя подальше от лестницы. — Все, как если бы должен был вашему мужу.

— Право же, вы настоящий вельможа... Эдикты Царя Царей этого вовсе не требуют!

Проклятье, неужели же он не понимает? Голос Гаррана гудел, как рев боевых слонов.

— Не могу же я обмануть доверие львицы! — Ильхат поймал ее руку, попытался на ходу поцеловать пальцы.

«Можно подумать, ты в состоянии отдать долги!»

Тяжелые, черного дерева створки затворились за ними, пришло время еще раз его поощрить.

— Так значит, вы не покидаете меня? — спросила Дженна, оторвавшись от его губ. Словно извиняясь за прерванный поцелуй, она спросила: — Вина? У мужа нашлись запасы, о которых я не подозревала.

Благодарно кивнув, Ильхат примостил свой зад на низкое кресло. Резные планки жалобно скрипнули под его весом.

— Я ваш слуга, — подобострастно заявил он. — И, видят боги, готов служить не только в постели!

Дженна протянула ему пиалу. Ильхат был ладно сложен и по-своему красив: правильные черты, смолянисто-черные волосы. Картину немного портили слишком чувственные на его смуглом лице губы: отчего-то казалось, что вельможа увлекается женщинами и черным дурманом. Дженна знала, что это не так: Гарран вояка и на ее взгляд слишком много говорил о долге.

Женщина молчала, глядя на любовника поверх края чаши.

— Вы не очень-то похожи на убитую горем вдову, — отметил вельможа. Он по-простому, по-солдатски вытер влажные губы. На каждом пальце блестело по одному, а то и по два перстня.

«Что ты знаешь об убитых горем вдовах?» — подумалось Дженне.

— Картхиса можно было любить как отца. Или как друга... — она опустила взгляд в пиалу. — Вы знаете, он был старше меня на тридцать лет.

Ильхат не отвечал, и Дженна продолжила:

— Его смерть глубоко меня ранит, мой сын остался без защиты и опоры, а сама я потеряла защитника и кормильца... Но я еще, слава богам, не стара, — она подняла взгляд. Пусть видит, как блестят ее глаза. — В моем сердце пустота, но заполнить ее не мог и Картхис. Это сделали только вы.

«Он называет меня Сахирой, — думала Дженна, кончиками пальцев касаясь его руки. — Львица солнца, огненная богиня... Если б он только знал, как прав!»

Ее рука соскользнула с ладони вельможи на внутреннюю сторону бедра и подобралась выше, к узлу кушака. Дженна позволила Ильхату еще раз ее поцеловать.

Когда все кончилось, она откинулась на подушки и негромко сказала:

— Мне нужна твоя помощь.

Так бывало всегда: каждый раз они церемонно обращались на «вы» — аккуратно пока Ильхат не оказывался в постели. Говорить «вы» после казалось Дженне сродни издевательствам. И каждый раз, встречаясь вновь, словно извиняясь за фамильярность, они вновь заводили старый добрый напев: «Вы», «госпожа Дженна», «господин Ильхат».

— Мне нужна твоя помощь, — сказала она и перевернулась на живот, выводя узоры у него на груди.

— Я сказал: я годен не только для постели, — полные губы Гаррана скривились в усмешке. — Если я могу помочь... проси, ты знаешь, я не оставлю тебя в беде.

Он вновь потянулся к ней, но Дженна отстранилась и села на постели.

— Это из-за Рами, — сказала она. — Пойми: пару дней назад он был сыном богатого купца. Теперь он никто. Все игорные дома, все постоянные дворы Картхиса, его корабли — теперь все принадлежит мне. Но я женщина, каждый может поднять на меня руку. Все, кто раньше имел дела с мужем, захотят отщипнуть кусочек от его состояния.

Дженна поежилась.

— Сборщики податей затопчут наш дом, соперники измотают судами в ложе торговцев. Каждый попытается сжить меня со свету, ведь золото Картхиса стало легкой добычей. Я не хочу жить, оглядываясь. Я должна вырастить сына, отправить его учиться в храм, чтобы он стал управляющим или советником у вельможи. Меня могут убить, наконец... Что проще? Потом скажут, что я заболела вслед за мужем. Золото перейдет Рами, а партнеры Картхиса глотки друг другу перегрызут, чтобы стать его опекуном.

Ильхат повел плечами.

— Да, не позавидуешь, — протянул он. — Но такова жизнь... Те, кто вчера улыбался, сегодня готовы тебя задушить.

«Он что, говорит, что его дело сторона?» — Дженна опустила голову, чтобы не выдать ужаса. Ей казалось, из всех любовников Гарран самый подходящий защитник.

— Золоту нужна мужская рука, — заключил вельможа. — Монета капризная и норовистая штука, нужен мужской характер, чтобы удержать ее при себе.

— Ты меня понимаешь, — прошептала Дженна. — Мне нужен новый муж. Третий год мы встречаемся в этой спальне и вот мы оба свободны. Можно не прятаться от других, не скрываться от сплетен. Не бояться, что нас застанут вместе, и пойдут пересуды...

«Если он не дурак, он согласится, — думала Дженна. — С деньгами убудка он получит врагов, но лучше иметь врагов и кучу золота, чем остаться ни с чем и еще быть должным».

Она положила ладонь ему на живот.

— Хочешь использовать мое положение? — Дженна почувствовала, как напряглись мышцы пресса.

— Не тебя ли я должна винить, что ты меня используешь? — она сощурилась. — В конце концов, ты и так получил отсрочку. Больше тебе ничего не нужно.

Наклонившись, она подняла с пола наполовину опустевшую бутылку и плеснула себе вина. Вельможа молчал: видно, упоминание о деньгах не пропало втуне. Даже со стороны Дженна видела, как напряженно он думает. Кровь прилила к щекам Ильхата, жилка на шее часто и неровно пульсировала.

«Думай, думай, солдат! — твердила она, как молитву. — Ты не получишь моих денег в отдельности от врагов. Неужели ты так недалек, что не в состоянии понять?»

— Ну хорошо, а если я выберу союз? Если я введу тебя в поместье как жену? Ты согласишься, что это не ради денег?

— У меня есть еще одно условие, — Дженна повела плечом и поднесла пиалу к губам. Вино не пьянило. Заключенный в нем огонь разлился по телу, наполняя ее новой силой. — Ты должен усыновить Рами.

В другом месте, в другое время — ее бы позабавило, как быстро угасло его желание.

— И что будет, если я его усыновлю? — подозрительно спросил Ильхат.

— Тогда я твоя.

Дженна коснулась губами щеки вельможи и, дохнув ему в лицо сладким запахом гранатового вина, вновь отстранилась.

— Тебе пора, — покачала она головой. — Подумай пару деньков, так ли серьезно ты любишь. Согласен ли принять вместе со мной сына и соперников Картхиса.

«И мои деньги!» — хотелось добавить ей. Гарран всегда был немного романтик, Дженна опасалась, как бы он не забыл о главном.

— Тут и думать нечего! — улыбнулся он.

Дженна отметила, что сказал он и впрямь не раздумывая.

Ей снилось, будто она вошла в спальню. Сваленные грудой подушки, водопады шелковых простыней. Вокруг ложа выстроились свечи: как почетный караул или... так жрецы окружают лампадами храмовые алтари. Тонкие струйки дыма мешались над постелью, образуя над спящим мужчиной балдахин.

Дженна шагнула вперед. Она узнала его — то был Ильхат. Глаза закрыты, дыхание едва слышным шелестом срывается с порочных губ.

Еще шаг... Свечи шипят и гаснут при ее приближении, словно она демон, оскверняющий чужой алтарь. Сжавшимся комочком, белым пятном в полутьме — рядом с Гарраном спит другая. Чужое дыхание колеблет жидкие струйки дыма.

Еще на шаг ближе. Сквозь аромат благовоний пробивается запах пота и мужского семени. Шаг. В объятиях Ильхата стройное тело. За складками покрывала Дженне не видно лица — лишь каштановые волосы разметались по подушкам.

Осталось два шага... Один. Рука вельможи по-хозяйски покоится на бледном бедре. Лицо... Дженна задохнулась от ужаса. В объятиях Ильхата спал ее сын.

Она хотела отвернуться — и не могла. Твердила, что это сон — но тщетно. Дженна просто зажмурилась, чтобы не смотреть, не видеть... Когда она открыла глаза, Рами сидел на постели и, обняв руками колени, смотрел ей в глаза.

— Что ты здесь делаешь?

Дыхание пришло не сразу, собственный голос напомнил Дженне карканье.

— Мне нужно соблазнить господина Гаррана, — Рами нахмурился. — Ты же знаешь. Должна знать.

— Нет, — она в ужасе замотала головой. — Что ты говоришь? Нет, это я...

Рами смотрел на нее, словно увидев призрака.

— Ты что-то путаешь, мама, — убежденно произнес он. — Я должен стараться, чтобы обеспечить тебе безбедную жизнь. Ты что-то путаешь, — повторил он.

Дженна отвернулась, закусив губу. Свечи, постель, Ильхат — все провалилось в бездну, рассыпалось ломким крошевом. В мокром холодном мраке остались она сама и сын — и еще ледяной ветер рвал волосы, раздувал парусами полы платья.

— Зачем ты одела маску, мама? — спросил Рами.

Он так и сидел обнаженным на земле, в лунном свете на лодыжках блестели тяжелые браслеты. Натертая благовонным маслом кожа казалась матовой.

— Маску?

Дженна в ужасе поднесла руки к лицу, но нащупала лишь скулы, линию носа, губы. Разве только... кожа была холодной и удивительно твердой. За спиной раздалось хихиканье, но когда она обернулась, никого не увидела.

— Ну да, маску! — Рами улыбнулся ей. — Ты сегодня странная...

Шепотки за спиной, сдавленный смех. Из темноты проступали размытые силуэты. Они смеются над ней, поняла Дженна. Они смеются над ней, потому что она нацепила маску. Но зачем?

Женщина провела подушечками пальцев возле ушей, под подбородком — и подцепила жесткий край костяного лика. На затылке натянулись шнурки, что удерживали ее лицо на месте.

— Вот видишь, — сказал сын. — Зачем она тебе?

Гарран, Картхис и друзья мужа, любовники и слуги в доме — все они проступали из темноты, показывали на нее и смеялись, смеялись, смеялись...

Лицо Дженны отлетело прочь, и Рами расплылся в ухмылке.

Под маской не было ничего, лишь мутная дымка, в которой плавали два карих глаза.

Лицо Рами тоже расплывалось, подернулось рябью, сквозь него проступал другой лик: заострившийся, иссушенный хворью.

— Это ты, Картхис?! — воскликнула Дженна, но перед ней уже не было ни сына, ни мужа. Только запах эфирных масел еще пару мгновений витал в воздухе. Смех толпы перерос в дьявольский хохот.

— Картхис! — крикнула во тьму Дженна, но ветер унес ее голос прочь.

Как готовое родить лоно, как обещание поцелуя, в пустоте ее лица шевелились губы.

Дженне все чудилось, будто гости перешептываются у нее за спиной. За одетыми в витражи окнами солнце скатилась к самым крышам, залило красным мозаичные полы. Пламя факелов плясало на стенах, и тени тоже плясали: точно добрая сотня призраков устроила вокруг гостей хоровод. Дженна не смотрела под ноги. Казалось, она ступает по крови. Женщина как будто слышала хлопанье шагов.

Ну довольно! Есть нечто поважнее заката, важнее приглушенных шепотков. За резными дверьми, на высоком троне из цельной глыбы гранита ждет наместник Царя Царей. Каждый год в день, когда Мертвый бог восстал и назвал себя повелителем царства теней, когда крестьяне начинают засеять поля — вельможи предстают перед наместником.

— Зачем? — спросила она Гаррана с вечера. Дженна не знала такого обычая.

Ильхат хмыкнул.

— Он пересчитает нас, как свиней. — Посерьезнев, он пояснил жене: — Мы обновляем клятвы верности Царю Царей. Если не он сам, то хоть наместник должен знать нас всех: самых близких друзей и слуг владыки.

Какая глупость. Но и что с того? Ей только то и важно, что Ильхат представит ее двору. Женщина ждала этого, добивалась много лун и вот теперь наместник рядом — а она едва находит силы на улыбку.

Они ждали долго, очень долго. Все скопом: чиновники, воины, землевладельцы — все сгрудились перед дверьми, как стадо одетых в шелка баранов. В приемном покое играла музыка и стояли столы с вином. И этот шепот. Он преследовал Дженну, куда бы она ни пошла.

«Вы бы молчали, будь на месте Гаррана другой!» Но сожалеть поздно. Выбор сделан. Порой она оборачивалась, чтобы выхватить из толпы взгляды, запомнить лица. Все, что она видела — это улыбки. Море улыбок. «Ведь вы сами, все вы, были должны Картхису. Все опасались ссоры с ублюдком!» Дженна кивнула гостю. Шея начала затекать от однообразных приветствий.

— Ковыляет, как после родов...

Женщина бросила на говорившего короткий взгляд.

— И верно, дождливая погода! — толстяк с бледным лицом важно закивал.

— ...имел ее, как кобылу.

«Так и было»? Он сказал, «так и было»? Дженна вздрогнула.

Она повернулась, едва не запуталась в ниспадающем до пола кушаке. Толстяк расплылся в улыбке, его маленькие глазки смотрели сквозь платье, сквозь газовую накидку, словно на ней только и надето, что браслеты да ожерелье.

— Мы думали, господин Гарран никогда не остепенится, — поведал он Дженне. — Вы обладаете великой силой, если из-за вас он забросил походы в пустыню.

«Я сама все придумываю... Или нет? Все это чудится. Мне чудится». Дженна едва удержалась, чтобы не закусить губу. На сей раз она стояла к толстяку лицом, но тот же голос сказал:

— Говорят, настоящая сука.

Устав бродить по залу, она с облегчением опустилась на низкий пуф. Худосочный паренек тут же наполнил чашу вином. «Я стала слишком много пить», — отстраненно подумала женщина и сделала большой глоток.

— Устала?

Запах фруктовой воды, которой обливался Гарран, предупредил о его приближении.

— Наместник всегда так задерживается? — поинтересовалась она. — Что-то случилось?

Ильхат ободряюще улыбнулся.

— На юге не принято встречать гостей, им дают время насладиться обществом перед приемом, — Дженне показалось, ее новый муж и впрямь способен на иронию. — Чем дальше на юг, — продолжал Гарран, — тем культурнее ты и знатнее. По большей части потому, что ближе к большим деньгам. Наместник тоже человек. Ему хочется выглядеть просвещенным.

— Я не вижу Рами, — обеспокоено сказала Дженна. Потом глотнула еще.

— По-моему, тебе достаточно...

«...пить», — хотел сказать Гарран. Но не успел. Высокие двери, наконец, раскрылись.

Словно порыв ветра подкосил вельмож. Все опускались на колени, касались мозаичных плиток лбом. Дженна старалась не отставать — словно окунулась лицом в кровавый омут. Спустя пару вдохов часть вельмож поднялась, чуть позже — еще немного. Гарран встал одним из последних. Когда женщина огляделась, на полу остались только слуги. Резные двери стояли открытыми, процессия вельмож текла сквозь них, будто многоголовая змея протянулась из одного зала в другой.

Дженна с удивлением увидела рядом Рами. Она взяла сына за руку и собралась встроиться в очередь, когда Гарран тронул ее локоть.

— Наш черед придет, — едва слышно прошипел он.

Дженна радовалась хоть тому, что гости перестали ее замечать: все взгляды были прикованы к раскрытой пасти дверей. В монотонном ожидании Дженна не заметила, как, когда они оказались в следующем зале. Вдоль колонн выстроились вереницы сановников. Словно шелест ночного сада, по залу прокатывался шепот, когда перед наместником предстал новый проситель.

«А он и вправду пересчитывает нас, как свиней», — подумала Дженна, увидев рядом с тронном писца. Наместник перебрасывался парой слов с вельможами и взмахом подзывал следующего. Предполагалось, что предыдущий гость сообразит убраться восвояси.

Когда подошел их черед, все трое вновь опустились на колени. Коснувшись пола лбом, Дженна слышала, как обсуждают ее придворные.

«Смейтесь, шепчитесь... Все это, пока я за вас не взялась по-настоящему». Некоторых она знала. Старый мешок с костями Си Сабёр предпочитал женщинам мальчиков. У него с Картхисом имелись общие дела. «Стоит порыться в записях. Наверняка найдется много интересного». Здесь же был и молодой Тахиз Увару. Этот пил так, словно дышал вином, а не воздухом. Даже глаза у него выпученные и застывшие, как у рыбы.

— Я вижу, твое семейство разрослось, Ильхат, — раздался бесцветный голос.

От наместника Дженна ожидала большего. Одетый в простой белый балахон, он оказался маленьким и худым, как палка. Остро очерченное лицо напоминало обтянутый кожей череп. Вперед выдавались губы, кости скул и нос, а на месте щек остались затянутые пожелтевшей кожей впадины.

— Для меня честь, что достойный Яссáх помнит мою семью, — молвил Гарран.

Ответом ему был дребезжащий смешок.

— Членов твоей семьи несложно упомянуть, Ильхат. Последние десять лет она состояла из одного тебя, — по залу прокатилась волна раболопных усмешек. — Так представь своих близких, раз уж ты их привел.

Дженне подумалось, что наместник смертельно устал и от церемонии, и от надоедливых гостей. Казалось, более всего он устал от наместничества, но это бремя просто так не сложишь.

— Моя жена Дженна, урожденная простолюдинка, вдова торговца Картхиса.

Было это вино или страх, но когда Дженна шагнула вперед, ноги едва не отказались слушаться. Во всем зале наместник единственный не удостоил ее взгляда.

— Дальше, — поторопил он Ильхата, потому что муж вдруг замешкался.

«Почему он медлит?» Шагнув вперед, она больше не видела Ильхата — и уже не могла оторвать взгляд от наместника. Теперь, когда тот удостоил их вниманием, когда им разрешили подняться с колен — пялиться по сторонам, а не на пожелтевшую костлявую куклу, стало бы оскорблением Царя Царей.

— В этом зале... — медленно начал муж, — под взглядами богов и демонов, перед ликом Царя Царей в лице достойного Яссáха Эндóра...

Он вновь умолк, словно увязнув в собственной речи. Наместник смотрел на Ильхата, как удав на кролика.

— ...перед ликом Царя Царей я объявляю этого юношу, Рамлаада, своим сыном и полноправным наследником.

По залу пронесся ропот, и Дженна поняла, что в ритуале что-то пошло не так. Не так, как правильно? Не так, как они обговаривали? Хотела бы она знать!

— Ты хочешь сказать, он теперь не пасынок? Как если бы родился от твоего семени? — немного прояснил ситуацию наместник.

Старик впервые за вечер заинтересовался, даже пошевелил костлявой рукой.

— Именно так, достойный, — склонил голову Ильхат.

— Ты знаешь, что для этого он должен быть благородным? — узкие губы едва шевелились, выговаривая слова.

— Да, достойный, — кивнул Гарран. — Я смиренно прошу Царя Царей даровать ему вельможный титул. Став мужем этой женщины и приняв его в семью и обещал защиту. Но я хочу видеть юношу не только пасынком, но и наследником.

Привычный к битвам на просторах пустыни, голос Гаррана звенел под сводами, разносясь по залу. Ильхат был выше наместника и роскошней одет, но казался ребенком перед выложенной подушками глыбой трона. Дженна жалела, что не может хотя бы обменяться взглядами с сыном, только чувствовала спиной его волнение.

— Даровать титул... — задумчиво повторил наместник. — За какие дела? Твой дед получил титул от Царя Царей, это так. Но он был хлыстом в армии лучезарного и сражался против псов пустыни. За какие заслуги даровать титул мальчишке?

Есть оборот «стоял ни жив, ни мертв» — впервые Дженна поняла, что слова не лгут. Ее тело не принадлежало ей, и взгляд, направленный на наместника, застекленел, как у мертвой.

— За заслуги души, — ответил Гарран. Он тоже боится, вдруг поняла Дженна. — Мое сердце тянется к нему, как к сыну. В священной книге богов сказано: «Не разделяй цепями рабов своих и не возводи преград для семьи, ибо не людям возводить стены там, где их не поставили боги». Мы все твои рабы, достойный, рабы Царя Царей в твоём лице. В твои руки я отдаю судьбу юноши.

Наместник молчал. Так долго, что Дженна думала, он уже не ответит. Думала, им нужно отступить в сторону и освободить дорогу следующему просителю.

— Пусть будет так, как ты говоришь, — наконец разлепил губы наместник. — Этот юноша не совершил ничего, что дало бы ему вельможное имя. Я нарекаю его Рамлаад Усёр, в честь Мертвого бога, в праздник которого он родился заново.

Потеряв к Гаррану интерес, он взмахнул рукой, отсылая их прочь. В свете факелов блеснули пожелтевшие от старости ногти.

Дженна смогла заговорить с мужем лишь когда они остались наедине в полутьме паланкина. В других носилках ехал Рами, больше обескураженный, чем обрадованный переменой.

— Ты рисковал, — без предисловий сказала женщина. Ильхат откровенно любовался ею, на его губах застыла глупая улыбка, как у впервые влюбившегося мальчишки.

— Но ты ведь этого хотела? — его ухмылка стала чуть шире. Дженна заставила себя улыбнуться в ответ:

— Не хотела. Я... я не смела о таком мечтать. Я надеялась, что Рами станет благородным... потом. Когда-нибудь. Когда заслужит титул в поместье вельможи.

Мимо проплывали городские огни: огромные, полные подожженным маслом чаши по ночам освещали холм Основателя. Каждый раз, как носилки миновали очередную, по занавесям ползли причудливые тени. Они подбирались к Дженне и вновь растворялись в локте от нее.

— Теперь ты веришь, что я сделал тебя женой не ради денег? — внезапно спросил Гарран.

Дженне стоило труда не измениться в лице. Боги, неужели он в самом деле надеялся? Она подалась вперед и поцеловала воздух возле его губ.

— Дурачок, я никогда так не думала!

Наступило молчание.

— Иногда мне кажется, ты способна убить меня ради сына, — наконец подал голос Ильхат. Дженна смотрела на него несколько мгновений, а потом рассмеялась.

— Хорошая мать сделает для ребенка что угодно. Я для него как богиня. Сейчас, пока он молод, я создаю целый мир, леплю его душу. Для бога ни одна жертва не может быть слишком большой.

На сей раз молчание тянулось дольше.

— Теперь нужно возвращать деньги заемщиков, — она попыталась отвлечь Ильхата от неприятных мыслей. — Держу пари, почти все попробуют доказать, что расплатились с Картхисом незадолго до его смерти.

Гарран покачал головой.

— Деньги твои, — он замялся на мгновение, — но я бы пока повременил. Ты сама видела: мое положение не так высоко. Золото поможет Рами подняться на пару ступеней. Мне эти игры не очень даются, так пусть похлопочут те, кто задолжал Картхису.

— Я не смогу, — после недолгого молчания Дженна покачала головой. — Да, это было бы хорошо для Рами, но я не сумею.

— О, предоставь это мне! — Гарран вновь улыбнулся, только на сей раз улыбка получилась кривой и недоброй. — Я найду подход. Может, я воин, а не торговец, но за моей спиной городская дружина.

Дженна поежилась от долетевшего с реки ветерка. Потом придвинулась ближе к Ильхату и устроилась в кольце его рук.

* * *

— Говоришь, уезжает? — переспросила женщина. — Почему ты только теперь сказала?

Служанка отступила на шаг назад.

— Вы не спрашивали, госпожа. Я думала, вы знаете...

— Думают те, кто для этого предназначен, — оборвала ее Дженна. — В следующий раз вместо того, чтобы думать, просто говори все, что знаешь о моем муже! Ясно?

Служанка кивнула и услужливо залепетала.

— Куда он поехал? — Дженна попыталась застегнуть платье сама, но проклятый крючок не доставал до петельки. С прошлого лета платье словно ушили.

— Не знаю точно, госпожа. Но я слышала разговоры. Будто бы охота с солдатами дружины. Вроде бы... они вроде собирались охотиться на крокодилов в дельте.

Сжав кулаки, чтобы не отвесить пощечину, Дженна отвернулась к окну. За террасами холма Основателя, за кварталом торговцев, что жирной змеей протянулся вдоль реки, лежал Мышиный предел: лабиринт крестьянских лачуг и узких извилистых улиц. За ним, почти у самого горизонта, где река соединялась с морем, бурным полем разостлались заросли тростника.

— Позови мастера Сэну и прикажи заложить повозку... нет, оседлать лошадь! Убирайся! — прикрикнула Дженна. Уговаривать Хейду не пришлось, она и сама спешила покинуть хозяйку.

Женщине наконец удалось застегнуть крючок. «Проклятые слуги!» В конце концов, у нее были другие планы на день. «И он забрал Рами. Будь он проклят, он забрал мальчика!»

Дженна вышла на веранду, словно отсюда, с расстояния двух или даже трех схиэнов, можно разглядеть мужа. Воздух над городом дрожал от жары, даже густые сады не спасали холм Основателя от запаха рыбы и миазмов трущоб.

Сену Ур был слегка взъерошен, но держался с достоинством. Видно, чтобы придать жидкой бородачке объем, он обильно умасливал ее. От этого борода не становилась пышнее, но зато лоснилась, точно накладная.

— Госпожа за мной посылала? — он был единственным, кто кланялся ей как благородной. Бледные глаза всегда задорно блестели на морщинистом лице.

— Скажи мне, мастер Сену, для чего я тебя наняла? — поинтересовалась Дженна.

— Должно быть, обучать сына, — в умных глазах старого писаря мелькнули искорки смеха.

— А еще?

— Защищать господина Рамлаада от всех невзгод, отговаривать от необдуманных решений... — Сену наморщил лоб, — сообщать обо всем, что с ним происходит, госпожа.

— Так почему ты, шлюхин сын, молчал, когда отец забрал его на охоту? — взорвалась Дженна. — За деньги, что я тебе плачу, я могла нанять сотню наставников! Взвод телохранителей! Я могла нанять сотню людей, которые бы сообщали обо всех делах мужа...

Слова иссякли. Дженна плеснула себе вина и выпила одним глотком.

— Я не смею приказывать господину и не был уверен, что вы уже встали, — поджал губы учитель. — Разве я подводил вас? Упускал что-то, что вам стоило сообщить?

— Ты считаешь, этого сообщать не стоило? — Дженна взмахнула рукой, отменяя возражения. — Рами хрупкий и слабый юноша, как ты мог отпустить его с отцом? И куда? Одно дело охотиться на антилоп в лугах, это почетное и уважаемое занятие... но на реке, когда самый умелый воин с трудом балансирует на корытах, когда лодка каждое мгновение может перевернуться...

Горло Дженны пересохло.

— С вашего позволения, госпожа, — не очень почтительно перебил ее Сену, — охота на крокодилов гораздо более почетное развлечение. Ваш муж опытный воин, я думаю, молодому господину не мешает набраться опыта. Это укрепит его положение при дворе.

— Ты думаешь! — повторила за ним Дженна. Помолчала. Вновь отмахнулась, как от надоедливой осы. Потом... как удар, как мимолетная вспышка... все вдруг встало на места. Она даже закрыла глаза, ужаснувшись тому, как слепа была.

— Скажи... — справившись с собой, медленно заговорила она. — Я просила тебя подобрать людей, чтобы они следили за мужем. Что он говорит о сыне в своем кругу?

— Все сводится к одной фразе, он обронил ее на встрече с капитанами луну назад, — серьезно ответил учитель. — «Я получил десять тысяч золотых солнц и самую красивую женщину города. Могу я чем-то порадовать жену?»

— Он сказал это, когда его спросили о том случае... у наместника, так? — Дженна заметила, что комкает расшитую цветами накидку. Женщина села и сцепила руки на коленях.

— Именно так, госпожа. Если вас интересует, он добавил, что ни разу не пожалел. Говорит, сын заслуживает вельможного имени.

«Это я знала и без тебя». Дженна кивнула на дверь, показывая, что разговор окончен. Только когда старик коснулся створок, она крикнула ему вслед:

— Скажи конюхам, что лошадь не нужна. Скажи, пусть меня не беспокоят.

Еще раз поклонившись, старик покинул ее. Дженна молча сидела, уставившись в стену.

— Дура... — наконец сказала она. Сад ответил злорадным шепотом. — Рыжая разодетая дура, — повторила Дженна, и ветви словно повторяли за ней: дура, дура... рыжая дура... разодетая...

Это дождь шелестит в саду. Просто короткий летний дождь, а не призраки, не воспоминания... Это буря собирается на горизонте, чтобы к ночи опуститься на город,

подмять под черное влажное брюхо. Буря — вот, чего боялась Дженна. Тучи сгустились почти год, а она и не замечала.

Когда это началось, что застило ей глаза? Самое очевидное, что можно подумать: муж использует Рами — так же как сам для нее не более, чем жертвенная овца. После смерти Гаррана все имения унаследует сын. Может, это красивый жест, который Ильхат сделал сам, по собственной воле, заставил ее быть такой глупой?

Разве он не добивался расположения сына? Разве не понимал, что золото Картхиса останется с ней на пару лет, а потом юноша войдет в возраст и получит все? Что ему стоит... легкий толчок — и Рами окажется там, в мутной воде, в которой мечется обезумевшее от боли чудовище.

Одно Дженна знала точно: если она отправится в погоню, если устроит Ильхату ссору, заберет Рами с собой — об этом будет судачить весь город.

Первый же закон лжи в ее бесконечности. У лжи нет конца, у нее не бывает края. Один раз обманув, использовав другого — ты вступаешь на бесконечный путь, и отпираешься до конца, придумываешь новые оправдания. Хорошего актера невозможно обвинить во лжи — разве что в сумасшествии.

Боги, за что? Как же трудно... Потому что ложь бесконечна, бессмертна, и одна порождает другую — бездонный омут, завлекающий всех вокруг и тебя саму в пекло. Потому что начинаешь верить, мешаешь ложь с правдой, заматываешь все в клубок, где нет концов, и ты сама не в силах его распутать.

Останавливаешься. Задумываешься. А ведь я это слышала. Кто-то говорил... Или уже было... А ведь такое могло быть! Никто не знает, как было на самом деле. И никто не узнает.

Дженна не страдала угрызениями совести, она принимала ложь и игру как должное. Ильхат честный человек, но видят боги, как же он недалек! Дженна презирала таких, как он. Но теперь, когда все кусочки мозаики сложились, ей стало страшно. Потому что, обманывая ее, Ильхат поставил ее на одну доску с собой. А она уже не сможет, не выживет без презрения. Без него она сама уже не богиня, а такая же смертная, как прочие.

Удел женщины — ждать, убеждала себя Дженна. А больше ей ничего и не осталось.

И она ждала.

«Это то, чего я хотела?» С высоты холма Основателя город казался чужим. В бархатной темноте светились окруженные факелами купола, бесчисленные точки окон и огоньков. Влажная душная ночь расправила над городом крылья.

Когда Дженна жила внизу, среди лавок и храмов, харчевен и публичных домов — все было не так. Город виделся другим. Живым. Наверху так пусто. Чем дальше Дженна смотрела на суету огней — тем больше город, где она прожила столько лет, напоминал кладбище. Бесчисленные надгробия домов. Тяжеловесные склепы дворцов.

И еще окна. Тысячи, мириады окон. Она никогда не любила город... или ей казалось, что никогда? Позабытым призраком, намеком на воспоминание — порой всплывала мысль, что было время, и она всему дивилась, а город считала прекрасным. Теперь он походил на огромную выгребную яму.

Если бы не тихий стук в дверь, она бы простояла так до утра.

— Дженна? — усталый голос Ильхата. Не услышав ответа, он вошел без приглашения.

На столе горела единственная свеча, оплывая в серебряном поставце. Углы, окно, дверь — все тонуло в темноте, блеклый свет выхватил из мрака лишь полированную столешницу, лицо Гаррана и ее.

— Ты опять пила? — вельможа нахмурился, увидев застекленевший взгляд. Дженна рассмеялась ему в лицо.

— Во всяком случае, на вино я трачу меньше денег, чем ты. Охота, попойки, вечера с танцовщицами... что там еще, Гарран?

Меж бровей Ильхата пролегла одинокая морщина.

— Какие танцовщицы? Ты же знаешь, это нужно для всех нас. Для Рами, — он склонил голову набок, точь-в-точь как степная собака.

— Знаю, знаю, ты говорил... — протянула Дженна. — Что на этот раз? Когда ты станешь новым наместником? На этой или на следующей неделе?

— Ты должна понимать, такие вещи не делаются за месяц. И на все нужно золото. Неужели ты не видишь перемен?

— Я вижу, что в доме околачивается половина двора, — начала перечислять Дженна. — Что приемы дороже с каждым днем. Что ни один ублюдок пока не вернул деньги Картхиса. Мои деньги, — она навалилась грудью на стол и устремила на мужа пристальный взгляд. — Ну? Тебе что, нечего сказать?

— Большая часть золота тратится на образование... — начал Гарран, но Дженна оборвала его:

— Если это можно назвать образованием! Ну, не тяни... для чего ты пришел?

— Мне нужны деньги, — просто ответил Ильхат. — Через три дня будет званый вечер, съедутся книжники и бродячие музыканты со всей страны. Рами нужно проявлять не только образование, но и вкус.

— Нет, — отрезала Дженна. — Он должен учиться в храме, а не у придворных свиней.

— Храм это одно, но и о связях нельзя забывать, — попробовал настоять на своем Гарран. Он стал совсем как Картхис, подумала Дженна. Женщина просто покачала головой.

— Но гости приглашены, — возразил муж, — многие уже в пути. Если ты отказываешься, что предлагаешь нам делать?

«Провалиться в пекло!» От Дженны не ускользнуло это «нам». Он имел в виду себя и Рами — и уж точно не ее.

— Ты пьяна, — наконец, заключил вельможа. Он бы добавил еще, но умолк. Слова никогда не были его сильной стороной.

— Какая смелость! — желчно бросила Дженна. — Ты не забыл, сколько был должен ко дню свадьбы?

— А ты рискуешь остаться с золотом, но без сына, — негромко отозвался Ильхат. — Или в пьяном угаре ты уже о нем забыла?

В следующее мгновение она запустила в него золотой чашей. Не будь Гарран воином, Дженна осталась бы без второго мужа — но Ильхат увернулся, чаша со стуком ударилась в стену и сиротливо покатилась по полу. Не говоря ни слова, Ильхат развернулся и зашагал к двери. Он уже растворился в темноте, когда Дженна услышала, как он остановился.

— Неужели ты думаешь, что Рами предпочтет остаться с тобой?

Женщина была не уверена, слышала она это — или ей показалось, что слышала.

В ту ночь Дженна не спала, до самого рассвета она блуждала по саду гарранова имения. Или думала, что блуждала — помнила она не все. Запомнила, что ночь говорила голосами живых и мертвых, порой ей чудилось, что она не в саду вовсе, а в их с Ильхатом спальне. Вот она сбрасывает тисненые кожаные сандалии, стягивает через голову ночную накидку.

Снимает лицо и кладет на столик возле постели.

В призрачной, пронизанной лунным светом дымке стволы поднимались колоннадой. След добычи и крови будил в душе холодную ярость, и она неслась в темноте, ждала мига, когда вырвет из груди врага кусок еще трепещущей плоти...

Потом вдруг оказывалось, что она зябко дрожит, съежившись у жесткой холодной стены сада, и руки ее по локти замараны травой и землей, как будто она пыталась разрыть могилу, а по щекам текут слезы, оставляя черные потоки туши.

«За что? Боги, за что?» Знала ли она сама, что губы складываются в слова?

— Не сделай я этого тогда, было бы только хуже, — прошептала Дженна. — Я ненавижу тебя! Я готова расцарапать твое лицо, вырвать глаза, которые видели мое унижение...

И в следующее мгновение стон сменялся бормотанием:

— Так просто. Просто приложить к лицу подушку и немного подержать. Никто не понял, никто не поймет. Он задышался, он задышался сам...

А потом она вдруг смеялась и, давясь смехом, спрашивала у ночи:

— Что, Картхис? Как там живется, милый? Как спится: спокойно ли? Не холодно ли в царстве теней?.. Картхис, ты слышишь?

Опомнившись на мгновение, она оглянулась и обнаружила, что забрела к внешней стене имения.

— Картхис? — пробормотала она, будто призрак первого мужа и впрямь был рядом. Имя было колючим и горьким, и губы от него горели, как от поцелуев.

Повторяя его, как молитву, она провалилась в темноту, в которой не было ни имен, ни видений, ни снов, ни воспоминаний.

Наутро было пусто и муторно. По пути в дом она нашла бродячего котенка, раздавленного копытами лошади. Он лежал, как выпотрошенная игрушка на самой дорожке перед крыльцом, и Дженна не удержалась, ее вырвало на обочину.

Она подумала, что это знак — только не была уверена, знак чего. Она придумала десятка два толкований, и все два десятка ей равно не нравились. Кусок не лез в горло, и холодная серая пустота в душе сегодня заполнилась болью. Наверное, эта боль и погнала ее к дверям Ильхата.

Замерев с поднятой рукой, Дженна поколебалась вздох-другой и решительно постучала. Ответа не было. Она собралась возвращаться — когда в груди шевельнулось тревожное чувство.

Она постучала еще раз — и вновь без ответа. Только спустя пять ударов сердца из комнаты донесся тихий голос. Что он сказал? Поди разбери.

Ильхат стоял у окна спиной к ней. Прямой, будто высеченный из камня, ровными линиями ниспадали складки одежды — вчерашней, словно Гарран и не ложился спать.

— Хаттас! — окликнула она его. Дженна назвала его так три года назад, когда они познакомились. Хат-тас, смешливое пламя... Он обернулся, и она хотела броситься к нему, прижаться к груди — и не могла. Только повторила жалобно: — Хаттас...

Он подошел к Дженне и заключил в объятия, но и в кольце его рук женщина дрожала от холода.

Она сидела на вышитых агатом подушках, и думала, что шея задеревенеет от напряжения, а лицо никогда не узнает иного выражения, кроме улыбки.

Рами наклонился и о чем-то зашептал названному отцу. Сегодня он много шутил и спорил, а порой запрокидывал голову и смеялся. От его смеха по спине Дженны пробегали мурашки.

«Он слишком много смеется, не понимая... — Дженна не закончила мысль, ее ужасно не хотелось заканчивать. — Даже если не Ильхат, остались дружки Картхиса. Они убьют Рами просто чтобы добраться до меня».

Гарран поднес к губам кубок и вылил остатки вина в рот. Когда их взгляды встретились, Дженна улыбнулась мужу.

— ...Даихан Квизейр уверяет, что его род происходит от демона из царства теней, — ее сосед за столом рассказывал о происхождении древних родов, расцветивая легенды насмешливыми и пошлыми красками.

«От какого козла произошел ты сам?» — улыбнувшись, подумала Дженна.

— Мне жаль его прародительницу, — вставил Рами. — Это все равно, что спать с быком, но в тысячу раз хуже.

Все засмеялись.

Дженна бросила короткий взгляд на сына. В противоположность Гаррану, который всегда одевался строго, Рами был очаровательно небрежен. Каштановые волосы рассыпались по

плечам, узкий ручеек золотой цепочки сбегал по ключицам, увлекая взгляд в ворот распахнутой на груди рубахи. Дженна подумала, что не будь он ее сыном, она сошла бы с ума за одну улыбку на его гладком лице.

Вместо того, чтобы рассмеяться, муж широко зевнул и, потянувшись за фиником, покачнулся.

— Вы видите, как мотает хозяина. Такой прием не так просто организовать, дорогие гости! — отшутился он.

Дженна поднялась и, обойдя стол, присела меж мужем и жрецом из столицы.

— Тебе лучше пойти и поспать, — тихонько проговорила она. — Ты никогда много не пил, вот и опьянел. Да еще вымотался.

— Госпожа Дженна права, — один из гостей подался вперед и с ухмылкой добавил: — Ваше отсутствие несколько нас не стеснит, даже наоборот. Не замучает совесть, сколько золота вы на нас потратили.

Ответом ему были одобрительные возгласы. Склонившись к уху Рами, Дженна шепнула:

— Пойду с отцом. Думаю, ты сам заговоришь гостей.

Губы сына блестели от вина, и он улыбался. Боги, как она не завидует той женщине, на которую Рами положит глаз!

Когда они выбрались из зала, Гарран соображал с трудом. На лестницу Дженна его втащила, отдуваясь под весом супруга. Сбросив ношу на постель, она убедилась, что Ильхат спит сном младенца.

Иногда мне кажется, ты способна убить меня ради сына.

Раздевать неподвижное тело оказалось труднее, чем раздевать его же, но в пылу страсти. Покончив с этим, Дженна, напоминала крестьянку: нечесаную, растрепанную, как все простолюдинки. Женщина выбрала самую большую и пышную подушку и перевернула мужа на живот, ткнув его носом в гусиный пух.

«Сейчас я не отказалась бы от целой бутылки!» Но вина не было. Глядя на распростертое тело, она впервые задумалась, что чувствовал Картхис, когда насиловал ее тогда, много лет назад. Она забралась на постель и оседлала мужа, сев ему на спину.

Дженна ждала, прислушиваясь к каждому шороху, однако муж ровно и мерно дышал, посапывая сквозь пух подушки.

Убить меня ради сына...

Выругавшись, Дженна опять перевернула его, на этот раз на спину, и вытащила подушку из-под головы, со всей силы прижала к лицу мужа. Мгновения шли. Гости внизу пьянели или уже трезвели — Дженна не знала, сколько времени прошло. Во всяком случае, достаточно, чтобы любой другой задохнулся.

На долю мгновения она испытала ужас: что делать дальше? То, что сработало с Картхисом, что ни у кого не вызвало сомнений — оказалось бесполезным с Ильхатом. Она сняла подушку, вглядываясь в его лицо. Гарран тихо спал, на миг она представила его корчащимся в агонии, как ее первый муж, но проку от этого никакого. Вельможа был жив.

Дженна сглотнула, еще раз пожалев, что не припрятала в спальне вина. Повторно выругалась: теперь уже грязнее.

Одевать спящего человека оказалось еще труднее, чем раздевать. По крайней мере, чтобы добраться до сада, ей не нужно вновь тащить тело по лестнице.

Для бога ни одна жертва не может быть слишком большой.

— Я сделаю что угодно... что угодно... — задыхаясь, повторяла она, вытаскивая тело на верхнюю террасу. Снизу звучала музыка. Звуки струн вспарывали ночной воздух, и сердце бешено колотилось у самого горла.

В тот миг, когда Ильхат Гарран упал в бассейн, ночь рассмеялась пьяным хохотом его сына.

* * *

Теперь она всегда расчесывалась сама. Рыжие локоны, из-за которых он и прозвал ее

львицей... Ильхат любит их, а Дженна хотела ему угодить. Вино не радовало. Красное, гранатовое — оно напоминало кровь. «Кровавая Дженна, мать демонов, так они меня зовут?»

Женщина оглянулась, словно за ширмой мог прятаться соглядатай, подслушивая сокровенные мысли.

— Все это ерунда! — рассудительно сказала себе Дженна. — Как можно подслушать мысли?

Она нарочно встала и, обойдя ширму, рассмеялась над страхами. «Они не узнают. Никогда не узнают». Но смех слетел с нее, как маска. А если они там, с той стороны?

Дженна вновь обошла ширму и нахмурилась. Взгляд — настороженный, как у дикого зверя. Наконец, она толкнула ширму и та повалилась на пол, загремев тонкими планками. Теперь в ее комнате негде спрятаться. И никто не сможет подслушивать.

Рами будет рад. Он не любит, когда она рассказывает о муже.

От стука в дверь Дженна вздрогнула. Это Ильхат, он вернулся... Она забежала за столик и схватила баночку с тушью для век. Та была сделана из железного дерева и выполнена в виде черепахи. Стукнешь по голове — мало не покажется.

— Кто это? — голос дрогнул. Они могут прийти в любой миг, ты никогда не знаешь, где они — люди в серой одежде с закрытым вуалью лицом. Стражи наместника. Они входят в дом, и никто не смеет заступить дорогу. «Госпожа Дженна, вас берут под стражу по слову достойного» — именно так они скажут.

Когда дверь открылась, женщина уставилась на баночку в руках. Это служанка: должно быть, пришла спросить, что госпожа желает на обед. Нужно вести себя, как обычно. Тогда никто не догадается.

— Чего ты хочешь? — Дженна вышла вперед, поправив на плечах накидку.

— Это господин, хозяйка, он вернулся... Вы просили доложить.

Дженна усмехнулась. Конечно, просила: она ждет Ильхата несколько дней, а он все не вернется с охоты. За одной только разницей — хозяйка не просит, а требует.

Лестница, лестница... бесконечный водопад, уходящий вниз. У подножия ждет Рами, и он улыбается. На всякий случай Дженна улыбнулась в ответ. Нужно вести себя, как обычно. Никто не должен догадаться, даже он.

— Все в порядке, мама. Все хорошо.

Увидев ее, Рами притянул ее к себе и обнял.

— Они не придут?

Зрачки серые, цвета морской волны. Цвета старости. Это Картхис, только вот почему он хмурится? Неужели Картхис ее подозревает?

— Кто они? Кто должен прийти? — Рами заглядывает ей в глаза, будто что-то высматривая. Неужели он тоже? Никто не должен знать!

— Стражи, они... Мы ведь ждем стражей?

Отчего-то лицо сына становится каменным и сереет. Ей даже кажется, будто он сам страж, пришедший забрать ее... да не важно, куда.

— Нет, мама, мы никого не ждем.

Отстранившись, Рами кивает слуге у нее за спиной и проходит мимо, уходит...

— Тогда куда ты ездил?! — Дженна развернулась. Никогда еще сын не позволял себе просто уйти. Пройти мимо, будто ее здесь нет.

— Все в порядке, мама. Я ездил к наместнику...

— Он... — женщина задохнулась от страха. Нет, она не может сказать это здесь. Здесь слуги, им нельзя знать.

— Он сделал меня новым хлыстом, мама. Тебе нужно отдохнуть, ты устала.

— Как я могла устать, если я недавно проснулась? — женщина оглянулась. — И... где твой отец? Я думала, он поехал с тобой.

— Он будет к вечеру, мама. Я все объясню, пойдем... Я сам, — кивнул он служанке. Почему она везде ходит за ней? Почему...

...Мать и сын поднимаются по лестнице. Они поднимаются так каждый раз: изо дня в день,

из месяца в месяц. Молодой господин, Рамлаад Усир, приобнимает ее за плечи и уводит наверх. Всегда уводит.

— Почему ты новый хлыст? — доносится сверху пронзительный голос. — Хлыст этого города твой отец!

Постояв у подножия лестницы, слуги разбредаются по своим делам.

*Другие произведения автора, а также его статьи
и дополнительные материалы о мире Анхар
вы найдете на сайте:*

Vsevolod-Alferov.ru